

Латыши и белорусы: вместе сквозь века : сб. науч. ст. Вып. 2 / редкол.: М. Г. Королёв [и др.]. – Минск: РИВШ, 2014. – С. 44–49.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «БЕЛОРУССКИХ» ЛАТЫШАХ КАК КУЛАКАХ В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

А. Лобан, М. Королёв
г. Витебск, Беларусь

У артыкуле разглядаюцца пэўныя аспекты ўжывання ідэялагемы «кулак» у савецкім грамадстве 1920-х – пачатку 1930-х гг. Робіцца акцэнт на зліцці на мясцовым узроўні гэтага класавага тэрміна з нацыянальнай прыналежнасцю селяніна. На падставе архіўных дакументаў акрэслены асноўныя рысы вобраза латыша-кулака ў БССР, зроблены крытычныя заўвагі наконт адпаведнасці гэтага вобраза рэчаіснасці.

In article some aspects of use of an ideologies «kulak» in the Soviet society of the 1920th – the beginning of the 1930th are considered. The emphasis on merge at local level of this class term with a national identity of the peasant is placed. On the basis of archival documents the main lines of an image of a Latvian «kulak» in BSSR are designated, critical remarks concerning compliance of this image of reality are made.

На белорусских землях традиционно проживали представители различных национальностей и народностей. Гостеприимство и толерантность считаются отличительными чертами белорусов. Ощутили это и латыши, переселение которых сюда после отмены крепостного права в Российской империи было достаточно интенсивным. За несколько десятилетий латыши стали неотъемлемой частью населения белорусских земель, сочетая определённую интегрированность и национальную самобытность. Социально-политические потрясения, которые разрушили размеренное течение жизни после Октябрьского переворота 1917 г., не обошли и «белорусских» латышей.

Конфронтационный тип пропаганды, который изначально использовался большевиками, пронизывал всё социокультурное пространство страны. Для утверждения новой советской идеологии им необходимо было прибегнуть к чёткой структуризации общества и выделению сторонников и противников. Наиболее негативные явления наблюдались в процессе расслоения крестьянства, которое претерпело значительные трансформации [1]. Именно в этой среде и был сконструирован образ «кулака». Занимавшаяся проблемой трактовки данного термина в советской практике Г.Ф. Доброноженко отмечает, что ещё летом 1918 г. Ленин неоднократно обращался к разъяснениям того, кто такой «кулак»: всякий крестьянин, который собрал хлеб своим трудом и даже без применения наёмного труда, но прячет хлеб, превращается в эксплуататора, кулака, спекулянта. Фактически единственным признаком кулака («самого зверского, самого грубого, самого дикого эксплуататора», «бешеного врага Советской власти» [9, с. 40–41]) становилось владение хлебом и срыв государственной хлебной монополии [2].

Руководствуясь ленинской риторикой времён гражданской войны, некоторые партийные и советские функционеры в 1920-е гг., как свидетельствуют архивные документы, нередко причисляли к кулацким практически все латышские хозяйства [3], т.к. на фоне достижений других односельчан

они и были более зажиточные. Во время землеупорядочения, которое растянулось на несколько лет, этот фактор неоднократно использовался для искусственного разжигания национального антагонизма [11].

Однако в некоторых местах встречалось и иное отношение к латышам-хозяевам. Так, глава Витгорземуправления в 1924 г. ходатайствовал перед Наркоматом земледелия Белоруссии о недроблении хозяйства А. Миллера: «Трудовое латышское хозяйство Августа Миллера является образцовым в Витебском уезде и одним из лучших в Витебской губернии. Образовано хозяйство Миллера около пятидесяти лет тому назад на заболоченном массиве земли, который превращён в культурное состояние и в настоящее время ведётся десятипольный севооборот, введенный около 25 лет тому назад. Пахотные угодья этого хозяйства дренированы и представляют единую и неделимую систему дренажа. Разбить эти дренированные поля с технической стороны невозможно. Хозяйство может вестись только лишь одним лицом, которое заинтересовано в сохранении созданной дренированной системы и по мере необходимости будет производить ремонт и возобновление дренажа. В случае разделения этого хутора ремонт и поддержка дренажа не будет производиться, и земля вновь станет заболоченной, урожаи ничтожными, и хозяйство, имеющее показательный характер, превратится в обыкновенное рядовое хозяйство. Трудовых хозяйств, с дренированными полями, в прежних границах Витебской губернии имеется не более 5–6. Все эти соображения, на основании имеющихся в деле документов и заставили Земорганы Витебской губернии, как-то: Манулковский Райсовет, Королёвское Волостное Земельное Управление, Витебское УЗУ и Витебское ГЗУ единодушно высказаться за недробление культхоза гражданина Миллера» [8]. К сожалению, не обнаружено документов, свидетельствующих о принятых мерах и дальнейшей судьбе этого хозяйства.

В середине 1920-х гг., когда были предприняты наиболее радикальные меры в поддержку крестьянства, направленные на то, чтобы побудить крестьян, не особенно считаясь с их «классовой» принадлежностью, развивать свое индивидуальное хозяйство, многие видные большевики предлагали отказаться от употребления термина «кулачество» для обозначения класса «сельской буржуазии» [2]. Так, например, член коллегии Народного Комиссариата Земледелия РСФСР К.Д. Савченко, считал, что к кулакам причисляют «творческую мысль деревни» и всё, что ими было нажито, добывалось тяжелым трудом: «ты хорошо работал, умно работал, вовремя работал, хорошо уродилось, много получил, но тебя уже не хвалят, ты уже кулак, опасный член общества. А ведь высокую производительность труда создает экономический стимул – личная заинтересованность, остальное все болтовня» [10, с. 208].

Однако скоро курс партии изменился. В провозглашённой политике коллективизации, переход к которой произошёл в конце 1920-х гг., совет-

ская власть вновь востребовала теорию классовой борьбы. В аграрном секторе она сделала ставку на крестьянскую бедноту, провозгласив главным врагом социальной дифференциации в деревне зажиточных хозяев, к которым окончательно было применено именование «кулак». В 1928–1929 гг. этот термин впервые за весь послереволюционный период появился в советском законодательстве, закрепляя классовые признаки кулачества и его социально-экономический статус. В Постановлении СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс Законов о труде» впервые были законодательно определены критерии, на основе которых крестьянское хозяйство можно было квалифицировать как «кулацкое»:

- а) если хозяйство систематически применяет наёмный труд для сельскохозяйственных работ или в кустарных промыслах и предприятиях;
- б) если в хозяйстве имеется мельница, маслобойня, крупорушка, просушка... или другое промышленное предприятие – при условии применения в этих предприятиях механического двигателя;
- в) если хозяйство систематически сдаёт в наём сложные сельскохозяйственные машины с механическими двигателями;
- г) если хозяйство сдаёт в наём постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жильё или предприятия;
- д) если члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеют другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа) [цит. по 2].

К этому времени в советском государстве кристаллизовался определённый образ кулака. В некоторых регионах к нему примешивался и национальный компонент. Так, например, в УССР красной линией проходила идея «раз поляк – значит, кулак» [ср. 12, с. 120]. В БССР нередко подобные высказывания адресовались латышам [3; 4]. На основании архивных документов можно выделить основные черты данного конструкта:

Кулак – приверженный старым традициям тайный враг советской власти. Поддерживает религию. К партийным и советским мероприятиям относится негативно. На общих собраниях сам говорит мало, но направляет друзей, чтобы выражали его мысль, и подстрекает народ. Сам даже не знает, что такое работа, а за мизерную плату от утра до вечера эксплуатирует батраков-белорусов, к которым относится очень плохо («Работают плохо, а оплату хотят хорошую» [4]). Всё делает для личной выгоды. К коллективизации относится отрицательно («В артелях и коммунах нам не место, мы не умеем лодырничать, мы привыкли к работе, а там место лентяям» [4]). Обманом стремится захватить контроль над сельскохозяйственной кооперацией, чтобы нажиться и поиздеваться над беднотой [5, с. 13]. Кулак восхваляет заграничное производство и капитал. В частных беседах пугает соседей слухами о скорой войне, с которой связывает надежды на возвращение прежнего строя [4].

Подобный образ нередко встречался в различных отчётах партийных работников во второй половине 1920-х гг., а также активно использовался советской пропагандой в периодической печати. Однако встаёт вопрос: насколько этот образ соответствовал действительности?

Анализ архивных документов, учитывая и предвзятые партийные отчёты, даёт несколько иную картину. Большинство латышей-колонистов представляли собой усердных и ревностных тружеников, ведь при переселении местные помещики предлагали латышам не самые лучшие земли, зачастую неудобцы, которые только благодаря старательной работе и прогрессивным методам ведения сельского хозяйства стали давать хороший урожай [5; 6]. Многие белорусы перенимали у латышей такой подход к делу [6, с. 44]. Для того, чтобы выкупить землю, некоторым членам семьи приходилось ехать на заработки за границу, в том числе, и в Америку [7]. Но как только значительная число крестьян (не только латышей, но и белорусов) смогли погасить все выплаты, началась Первая мировая война, за ней последовали гражданская и советско-польская, которые нанесли значительный урон их хозяйствам. И опять, в результате рачительного подхода к делу, латыши возрождали свои усадьбы. Партийные работники пытались списать это на результат эксплуатации беднейших крестьян. Однако, например, в одном из составленных ими описаний кулацкого хозяйства имеются следующие замечания: наёмных рабочих было только двое, которым платили около 30 рублей в год (для сравнения: 1 пуд овса стоил 1 руб., дойная корова – 60 руб.). При этом «кулацкая» семья из шести человек имела только двух трудоспособных (остальные – дети и старики). Здесь наиболее интересным нам представляется пример, которым партийный работник иллюстрировал мизерность оплаты – «то, что за неделю батрак зарабатывал, то за воскресенье пропивал» [4]. На основании этого можно сделать вывод, что бедность батрака была следствием не только низкой оплаты труда, но и вытекала из самого образа жизни данного социального контингента.

Безусловно, к созданию коллективных хозяйств большинство латышского крестьянства относилось отрицательно, так как латыши традиционно в большей степени были приспособлены к хуторской системе ведения сельского хозяйства. Однако это не делало их такими уж непримиримыми врагами советской власти, тем более, что последняя на определённой стадии своего развития не исключала разнообразных форм землепользования.

Таким образом, созданный советской пропагандой образ латыша-кулака был во многом преувеличенным и даже искусственным (как замечает Т. Снайдер, «кулак» – это скорее советский ярлык, который стал жить собственной политической жизнью [12, с. 111]). Формирование данного образа было вызвано политическими мотивами с целью расколоть деревню в условиях взятого курса на сплошную коллективизацию, в том числе, по национальному признаку. В определённой степени это удалось. Как нам засвиде-

тельствовала во время исследовательской экспедиции в д. Заболотье Витебского района местная жительница (потомок латышей, что жили здесь до Великой Отечественной войны, правда, не пожелавшая сообщить свои личные данные), ситуация была неоднозначная. Большинство людей продолжали нормально относиться друг к другу, так как знали, кто и как создавал свой быт. Тем более, что набравшие ход репрессии и выселения на первое место ставили экономические критерии, а не национальные. Однако были и те, кто под лозунгом «очистить деревню от кулака» стрелял в детей латышей, когда те шли в школу или возвращались из неё. Но последнее является всё же исключением, а не нормой. Искусственность и именно экономическую основу подобного межнационального антагонизма подчёркивали и сотрудники Латбюро округов.

К сожалению, политика преобразований в деревне сделала своё дело. Многие примерные хозяева получили ярлык «кулака» и были репрессированы. Но следует помнить, что преимущественно это были трудолюбивые люди, которые искренне отдавали свои силы белорусской земле. Множество дел по реабилитации только подтверждают это.

Использованные источники:

1. Бурик, Н.М. «Свой» и «чужие»: советская пресса 1920-х гг. о сибирском крестьянстве / Н.М. Бурик // Известия Алтайского государственного университета [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2013/4-1/hist/TheNewsOfASU-2013-4-1-hist-03.pdf>. Дата доступа: 12.11.2013.
2. Доброноженко, Г.Ф. Кто такой кулак: трактовка понятия «кулак» во второй половине XIX в. – 20-х гг. XX в. / Г.Ф. Доброноженко // Стратификация в России: история и современность. – Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 1999. – С. 28–41. Доброноженко, Г.Ф. Сельские эксплуататоры: границы социального пространства (критерии идентификации в законодательстве конца 1920-х гг.) / Г.Ф. Доброноженко // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. №4. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/selskie-ekspluatatory-granitsy-sotsialnogo-prostranstva-kriterii-identifikatsii-v-zakonodatelstve-kontsa-1920-h-gg>. Дата доступа: 13.11.2013.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 10061, оп. 1, д. 437, л. 58–59.
4. ГАВО. Ф. 10061, оп. 1, д. 625, л. 99–101.
5. Агеенко, Т. Латышские колонии в Беларуси (от появления и до конца 1920-х годов) / Т. Агеенко // Латыши и белорусы: вместе сквозь века / Под общ. ред. М.Г. Королёва. – Минск: РИВШ, 2012. – С. 10–16.
6. Королёв, М.Г. «Белорусские» латыши на приграничьи в межвоенный период / М.Г. Королёв, И.А. Мартинкевич, В.Н. Голубев. – Минск: РИВШ, 2012.
7. ГАВО. Ф. 10061, оп. 1, д. 437, л. 167–168.
8. ГАВО. Ф. 71, оп. 1, д. 301, л. 111.
9. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1967–1975. – Т. 37. – М., 1969. – 746 с.
10. К.Д. Савченко – И.В. Сталину // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 8.

11. ГАВО. Ф. 10061. Оп. 1. Д. 443. Л. 8–12. ГАВО. Ф. 10061. Оп. 1. Д. 445. Л. 22.
12. Снайдер, Т. Крывавыя землі. Еўропа паміж Гітлерам і Сталіным / Т. Снайдер. – Мінск: Медысонт, 2013. – 640 с.